

женатым только единожды, а в случае преждевременной смерти жены, он до конца своих дней оставался вдовцом. Каноничный и патриархальный образ жизни священника оказывали прямое влияние на специфику внутрисемейного быта.

Таким образом, взаимоотношения духовных служителей с женской половиной общества на протяжении XIX — начала XX вв. были существенно ограничены рядом факторов, которые определяли социальное развитие православного духовенства, включавшего в себя как мужчин, так и женщин, которые вначале в конце XIX – начале XX в. стали реагировать на дискриминацию.

В конце XIX - начала XX в., в классификации женских типов американской исследовательницы Нормы Нуман среди прочих есть понятие «традиционная женщина», которое, правда, обозначает одну из категорий советского общества¹³. Однако оно вполне применимо как самостоятельная характеристика и к женщинам из духовного сословия. Они действительно представляли собой наиболее консервативную часть женского сообщества, более основательно были подвержены традиционализму в поведении, восприятии жизни, реакции на события. Их уделом было домашнее хозяйство, основной социальной функцией – материнство. В модернизирующейся России женщины из духовного сословия являлись, пожалуй, самой дискриминированной частью женского мира¹⁴.

Подводя итог, необходимо отметить, что в дореволюционной России женщины из духовного сословия находились вне политической и общественной жизни, их социальная роль ограничивалась материнством. Верные православной этике, они покорно несли всю тяжесть традиций, находились в состоянии полуприкрытого рабства. Авторитарные семейные отношения, неуверенность в завтрашнем дне способствовали нарастанию недовольства создавшимся положением среди дочерей духовенства. Неудивительно, что в условиях тотальной эмансипации в пореформенный период в рядах женской части сословия стал нарастать протест, стремление вырваться из бытового плена и потому удельный вес самостоятельных тружениц, революционерок – дочерей лиц духовного звания увеличивался год от года¹⁵. В 1905-1907 гг. поповские дочки заявили о себе в полный голос участием в забастовках, уличных манифестациях. Все чаще в поле зрения полиции оказывались молодые учительницы, происхождением своим связанные с церковной средой. Интересно, что многие из них становились на откровенно атеистические позиции и пропагандировали безбожие¹⁶.

¹³ Нуман Н.К. Ведет ли сознательность к действию: исследование воздействия перестройки и послеперестроечного периода на женщин России // Женщины России – вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С.37.

¹⁴ Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Тверь 1999. С.45-57.

¹⁵ См.: Деятели революционного движения: Библиографический словарь. М., 1927-1931. Т.1-5.

¹⁶ Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Тверь 1999. С.45-57.

О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Оконникова Т.И.

*Удмуртский Государственный Университет,
Ижевск*

Археология в России традиционно рассматривается как историческая наука, что обуславливает ее отставание от естественнонаучных дисциплин в области методологии историко-научных исследований. Большинство публикаций по истории археологии посвящены хронологической фиксации наиболее значимых научных событий или историографическому анализу идей, концепций, теорий в рамках определенного тематического или проблемного поля. Но в связи с выдвижением новых задач в области изучения истории отечественной археологии - в качестве таковых можно назвать периодизацию истории российской археологии, определение места археологической науки в сложившейся системе исторических и общенаучных знаний, изучение влияния социальных факторов на процесс научного поиска в археологии - исследователями осознается необходимость обращения к опыту философии науки и науковедения.

В.Ф. Генинг продемонстрировал возможность выделения качественно различных периодов в развитии археологического знания с помощью философской категории "основания науки", в трактовке которой опирался на построения П.С. Дышлевого и В.М. Найдыша. Выявление оснований археологической науки производилось В.Ф. Генингом с целью выделения относительно стабильных периодов в развитии археологического знания и водоразделов между ними - "научных революций". В исследованиях В.Ф. Генинга эволюция археологической науки представлена в виде последовательной смены следующих периодов: 1. "археологии древностей" (с кон. XVIII до 70-х гг. XIX в.); 2. "культурархеологии" (с 70-х гг. XIX в. до 30-х XX в. (в советской) - 60-х XX в. гг. (в зарубежной)); 3. "социоархеологии" (начинается с 30-х гг. XX в. в советской, с - 60-х гг. XX в. – в зарубежной).

Г.С. Лебедев использовал в качестве основополагающей единицы анализа науки категорию "парадигма", предложенную и обоснованную применительно к истории науки Т. Куном. В развитии мировой археологии автор выделил следующие научные парадигмы, последовательно сменявшие друг друга: 1. антикварную, господствовавшую до сер. XIX в.; 2. эволюционистскую, которая доминировала до рубежа XIX - XX в.; 3. этнологическую, приоритет которой стал преодолевать в 20-е гг. XX века; 4. социоструктурную, преобладавшую до сер. XX в.; 5. формирующуюся на современном этапе системно-экологическую (включившую отношения культуры и общества в контекст взаимосвязей "Человек – Среда" или "Природа - Общество").

Нетрадиционные для историографии археологии подходы обнаруживают себя в последние годы и в исследованиях по истории региональной археологии. К таковым следует отнести работы Мельниковой О.М.. Проведя анализ деятельности коллективов ар-

хеологов Пермского (1946-1955 гг.) и Свердловского университетов (1960-1974 гг.) с использованием категории «научная школа», она выделила основополагающие характеристики университетских научных школ. В организационном и образовательном аспектах - это открытие специализации по археологии, кабинета археологии, студенческого научного кружка, и, главное, археологической экспедиции. Эти структуры обеспечивают непосредственное усвоение учениками схем, способов, норм археологического исследования. В познавательном аспекте своеобразие научных школ проявляется в содержании исследовательской программы, выдвигаемой лидером школы. По мнению О.М.Мельниковой, таковыми для изученных научных школ стали оригинальные концепции культурно-исторического процесса в уральском регионе, создание новых методов археологического исследования, введение в научный оборот нового археологического материала, полученного в результате ширококомасштабных раскопок.

Автор настоящих тезисов использовала философскую категорию «познавательная традиция» в интерпретации И.Т. Касавина в изучении научных традиций в археологии Прикамья 60-х гг. XIX – конца 40-х гг. XX в. Данная концепция позволяет разграничить качественно различные этапы развития научного знания, а также делает возможным рассмотрение социальных механизмов, обеспечивающих преемственность научной деятельности и обуславливающих ее разрыв. Ее использование позволило выявить в археологии Прикамья второй пол. XIX в. – первой пол. XX в. две познавательные традиции. Первая, в рамках которой местная археология оформилась как самостоятельное явление, была основана на «бытописательской» (по Г.С. Лебедеву) парадигме с адаптированными к ней элементами эволюционизма. Она сложилась экстенсивным путем и доминировала в 1860-е-1880-е г. Вторая, основанная на этнологической парадигме, начала складываться в конце 1880-х гг. Ее интенсивное развитие в местной науке было прервано социально-политическими катаклизмами 1917 г. и рубежа 1920-х-1930-х гг. Неудавшаяся попытка насильственного внедрения новой традиции, основанной на марксистских социологических построениях, завершилась в археологии Прикамья возвратом в конце 1940-х гг. к реализации программы этнологических исследований.

АВГУСТ 1941. РЕЗА-ШАХ ПЕХЛЕВИ: ЗАКАТ ЗВЕЗДЫ ДИКТАТОРА

Оришев А.Б.

*Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина,
Елец*

В истории Великой Отечественной войны особое место занимают события августа 1941 г., когда на территорию Ирана вступили советские и английские войска. Решение принять военную силу в отношении суверенного государства объяснялось тем, что согласно договору по ленд-лизу союзники планировали

организовать через территорию Ирана доставку в СССР военных грузов.

Сама иранская операция началась 25 августа 1941 г., когда в Северный Иран со стороны Закавказья вступили войска 44-й и 47-й армий Закавказского фронта. С юга наступление начали британские части.

Сразу же скажем, что иранская армия Ирана серьезного отпора советским войскам не оказала. Согласно донесениям командиров советских воинских частей иранские войска повсюду избегали соприкосновения с Красной Армией. 25 августа они без боя оставили Ардебиль, а в последующие дни другие города на севере Ирана.

Главным организатором военного сопротивления отечественные историки считали Реза-шаха. По их мнению, получив сообщение о вступлении союзных войск в Иран, он приступил к организации активной обороны: к Тегерану была стянута авиация, на подступах к городу расставлены пулеметы, а на крышах зданий - орудия зенитной артиллерии [2. С. 36]. Приводились сведения, что по приказу шаха были подвергнуты репрессиям генералы, прекратившие сопротивление: военного министра уволили в отставку, а командующего ВВС убили.

И все же эти меры представляются всего лишь демонстративными. Постепенно придя в себя, Реза-шах взял курс на организацию «пассивного сопротивления», следуя которому монарх отказался взрывать мосты и автостреды, остановил мобилизацию частного автотранспорта. Навстречу наступающим союзникам он не перебросил резервные войска и не решился обратиться к вождям племен с призывом джихада. Реза-шах так и не выполнил угрозу развязать уличные бои в Тегеране. Бойцам столичного гарнизона был отдан приказ разойтись по домам.

Политика «пассивного сопротивления» заключалась в том, чтобы имитировать боевые действия с Красной Армией и британскими войсками. Осознание того, что в случае начала ширококомасштабных боевых действий будут потеряны результаты реформ, проводимых в предыдущие годы, вынудило иранского правителя склонить голову перед Англией и СССР.

Однако полностью отказаться от враждебных действий в отношении союзников шах не мог. В августе 1941 г., когда страны «оси» имели заметный военный перевес над антигитлеровской коалицией, Реза-шах считал, что ему рано или поздно придется объясняться с Гитлером. И в этом случае он мог сослаться на то, что в условиях полного превосходства противника иранская армия пыталась оказать какое-то сопротивление союзникам, причем делала это в условиях борьбы на два фронта.

Версию о том, что иранский шах сознательно проводил политику «пассивного сопротивления» подтверждает в своих воспоминаниях генерал Х. Арфа, бывший в то время начальником штаба вооруженных сил Тегеранского округа: «Шах не намеревался организовать реальную оборону и хотел только показать немцам, что Иран был принужден силой, для того, чтобы в случае победы Германии Иран не нес бы ответственности, и с ним не обращались как с вражеской страной» [3. Р. 298].